

Часть первая
СЕНТЯБРЬ / ОТ ВОЗДУХА

Найденный

Вы, молодые, думаете, что всякий из вас — пуп вселенной. А что любая ваша проблема — мировая война. Что все крутится вокруг этих ваших проблем. Вы как заводные игрушки. Машинки с пружинкой. Те, что едут вперед сколько могут, но хватит и малой неровности на полу, крохотного бугорка, чтобы опрокинуться. И — конец игре. Всем покеда. И вот что я думаю: используйте вы для дела силы, что расходуете на всю эту хренотень, на эти беспокойства, на бляеянье первому встречному-поперечному о своих проблемах, на эти вопли — и тогда, возможно, вы что-то да создали бы, сумели бы, полагаю, что-то придумать. Не знаю что. Не спрашивайте. Но другое, не то, что есть. А что есть? Ну? Дерьмо. Одно и то же дерьмо сотни лет. Конечно, есть нынче всякие приблуды, сенсорные экраны, Интернет, истребители-невидимки и еще пара штуковин, которые вроде бы отличны, ну, не знаю, электронные всякие, но на самом-то деле вот уже несколько сотен лет — одно и то же дерьмо.

Ну что? Зачем спрашиваете: «что?» Я должен знать — что? Что-то новое. Что-то совсем новое. Как новым было, ну, когда сперва — короли и императоры, они наследовали власть, а потом — раз, и уже

никто эту власть не наследовал, но все выбирали того, кто правит, голосованием. Это было что-то новое, ну, не знаю, лучшее ли, но новое — точно.

(не помнит, кому он это сказал, наверное, своему сыну и его жене)

(да, теперь он вспоминает, сказал это своему сыну и его приятелю, и жена приятеля, кажется, там была тоже, было, кажется, лето, лето прошлого года, они сидели на веранде, а он пожарил серну, кажется — серну, темное мясо, под вином, он помнит, пили сливовицу, пили как водку, быстро, под апельсиновый сок, и это было ошибкой, потому-то он так разболтался)

Думаете, что ваши проблемы — пуп вселенной. Вам внушили, Марек, не смотри так на меня, не в смысле — вам, то есть не в смысле — тебе, ты как раз понимаешь.

(знает, что он говорил это сыну)

Вы как раз понимаете, но я о людях вашего возраста, о ваших ровесниках, двадцать пять лет, тридцать, тридцать пять лет, людей, сука, вашего возраста убедили, молодых лошаков, здоровых лосей, что они — свободные люди. И на этой свободе они строят свое безопасное будущее, напряженно, ежедневно. Больше того — уверены, что они хозяева этого будущего. Хрен там. Все эти люди вкалывают, как рабы. Погляди на них. Как рабы. Должны вкалывать и лет тридцать платить, если они вообще эти тридцать лет проживут. Если у них сердце не разорвется за эти тридцать лет. И в этом хомуте они точь-в-точь как лошади, как скотина. Да меня тошнит, Марек. Не смотри так на меня. А они постоянно в проблемах, глотают их, как караси — червячков на крючках, не знаю, Марек, понимаешь ли, если что — могу объяснить.

Понимаешь. Хорошо, что понимаешь. Ты башковитый, сынок. Башка — словно склад какой. Вот только полки пустые. Ха-ха-ха. Ну, не смотри на меня так.

(знает, что Марек — это его единственный сын)

(знает, что Марек все еще там, откуда он сбежал, помнит, что не двигался и молчал)

Марек, сынок, если у тебя есть то, что важнее прочего, если уверен, что ради чего-то сделаешь все — тогда тебя легко использовать. Если хочешь денег, машин, баб, сынок, то тебя легко использовать, честно. Натянуть. Ты тогда словно карась. Думаешь, что борешься. Думаешь, что, может, если уж ты так борешься, то выиграешь. Но ты только бьешься и мечешься, и хватаешь ртом воздух, пока не подохнешь. В этом как раз — ничего нового. Это — старо как мир. Подумай о пирамидах. О тех несчастных пиздюках, которые их строили. Их убеждали, что за умелое строительство пирамид они станут вечность сидеть в чудесных борделях под пальмами. А вас убедили, что к старости эти клетушки из картона, что вы покупаете, клетушки с видом на паркинг, что они будут вашими, что вы уже напахались на них. Что банк их у вас не спиэдит. И даже что-то отдаст, когда, скажем, — представь, да? — когда весь этот картон, все эти халупы, эти паркинги и лифты, когда все это сторит нахуй. Ну смейся, смейся, потому что, сука, смешно же. Нет, сынок, я из тебя придурка не делаю.

(едва видит и знает, что может уже ничего больше и не увидеть)

(какое-то время не может сообразить, встал ли он, ползет ли, в вертикали он, в горизонтали, и если отпустит мох, который так судорожно сжимает, то не упадет ли)

Часть первая. СЕНТЯБРЬ / ОТ ВОЗДУХА

Еще раз: я не о вас говорю, но о ваших ровесниках.
И тут ничего нового.

А вы могли бы придумать что-то новое, если бы не тратили столько энергии почему зря.

(отпускает и ничего не случается, и никуда не падает)

(теперь он знает, что ползет)

(знает, что он — голый)

(знает также, что сейчас в лесу, на холодной земле, холодной и вонючей, а может, это он так воняет)

Я — хозяин. Смотрите.

(помнит, что тогда, год назад, на веранде, он специально встал, хотел показать им, что имеет в виду, когда говорит, что он — хозяин)

Я — хозяин. Смотрите. Это мое, это мне принадлежит, вырвал его, вырвал и выстроил, возвел, была пустошь — стал Сан-Франциско, Марек, гляди, понимаешь, ты тоже хозяин. Нет, молчи, чего это я буду молчать, должен молчать в собственном доме, в моем, сука, саду? Марек, твоя мать и правда могла бы слегка попустить. Наливай, Марек. Гляди. Ты тоже хозяин. У тебя тоже есть свое.

(видит только свет, свет как прогорклое масло, матовое и тошнотворное)

(знает, что он не может сейчас встать, год назад — это год назад, а сейчас — это сейчас, пытается, но не встает и на сантиметр, а тело, на коленях и локтях, движется само, ползет вперед, словно запрограммированное, словно заводная машинка)

(знает, что человек — это автомат, как и все сущее)

Человек, у которого есть свое, по-другому ходит, по-другому движется, Марек. Гляди. Человек, у которого

и правда есть свое, который не одолжил на тридцать, сука, лет клетушку в новострое из картона, но — имеет свое, человек этот не горбится. Ходит прямо. Плечи его расправлены, вот так. Глаза широко открыты. Подбородок, сука, вверх. И всегда вот так свысока. Погоди. Лей.

Марек, я рад, что ты так думаешь. Это все вас тут ждет. Этот дом, эта земля, все это для вас. Но я тебя не принуждаю, я тебя силой сюда тянуть не стану. Делайте, что хотите. Зарабатывайте, как хотите. Только внука мне сделайте. Пригодился бы.

(знает, что его тело — другое, чем месяц назад, чем два месяца назад, чем три)

(знает, что его тело худое и изломанное, все в засохшей крови, все в грязи, все в дерьме)

(знает, что вместо ногтей у него кровавые, воспаленные култышки)

(знает, что потерял большую часть зубов)

Лей, Марек. Погоди, схожу отолью. Ага, в сад. Ну и что? Это мое. Мой сад. Могу тут, в нем, извиняюсь, хоть высрать. Могу тут делать, что захочу. А если чего делать не хочу, то не делаю.

Что, заканчивать с этим умничаньем? Марек, Маречек, а кто ж тебе умное-то расскажет? Кто? Эти морды в телевизоре да в Интернете? Они в этой Варшаве всю жизнь в такси проводят. Что там они знают?

(помнит, что тогда, год назад, на веранде, перестал на миг говорить и встал, пошел к забору, укрылся между живой изгородью и сеткой и, отливая, радовался своей струе, высокой и мощной, все еще как у пачана, подумал, что это хорошо, как же хорошо быть здоровым, думал об этом, а они ждали на веранде, о чем-то тихо говорили, не слышал их)

Часть первая. СЕНТЯБРЬ / ОТ ВОЗДУХА

(теперь знает, что ему нужен доктор)

(чувствует, что становится все холоднее, но чувство холода пока спрятано глубоко под болью)

(единственное, что он может сделать, это тихо пищать, потому тихо пищит)

Уже я здесь. Уже вернулся. Марек, правда, сынок, ты не думай. Дай морду. Ну, дай. Я тебя ух как люблю!

Что значит: тихо? Это мой дом, Марек, скажи своей матери, что это мой дом, и если хочу орать, то ору.

Марек, лей. Лей, сынок.

(пришлось напомнить себе: то, что он чувствует, зовется «боль»)

(знает, что он ползет по лесу)

(знает, что раньше был под землей, в темноте, долго, а теперь вылез и ползет по лесу)

(все должно было случиться недавно)

(какое время года)

(знает, что все — боль над всеми болями, которых он уже не различает, не отличает боль нижней части тела, живота, бедер и хера от боли шкуры, кусками содранной со спины)

(от боли ног, которые были сломаны, а потом снова срослись)

(от боли сломанной челюсти, крошащихся зубов, он грыз кость, помнит, хотел перегрызть кость или камень, не помнит)

(от боли в глазах, которые провели столько времени в темноте, столько времени, не видя совершенно ничего)

Я, сынок, тут родился. Тут я родился, и тут я умру. Твой прадед сказал точно так же твоему деду, когда их сюда бросили после войны, сказал, что нас сюда при-

везли, приказали нам сюда приехать, но теперь мы уже здесь, теперь мы — здешние.

(не знает, кто с ним это сделал, кто сделал это с его сыном)

(никогда не узнает)

Это мы. Этот город — это мы. Этот лес, сука, — это мы. Озеро, одно, другое, третье, эти озера — это мы. Не заткнусь.

Не заткнусь, ты сейчас сама заткнешься. Твоя мать, господи Иисусе, правда, нужно с ней что-то делать, сынок, у нее аж жопа свербит, если она чего-то не выгнет по-своему.

(никогда не узнает, мир и земля болят, он перестает двигаться, нет у него сил, теперь ползет)

(ползет и воет)

(никогда не чувствовал себя так хорошо, как в то лето)

(теперь он знает, что хотел бы напиться воды)

(может только выть, тихо, нет сил — громче)

(должен еще минутку, еще немного)

(может еще напиться воды)

Марек, люблю тебя, сынок. Я счастлив. Это счастье делает меня хозяином. Смотри, погляди вокруг. Моя жизнь — удалась. Нет у меня проблем. А даже если есть, то они — не важны, они — не весь мир. Это приходит с возрастом, это чувство. Есть у меня кое-что, и это хотели бы иметь множество людей, есть у меня кое-что, есть сила, есть сын, есть дом, есть земля, Марек, есть сила, сука, и почти все хотели бы это иметь, сразу, ни за что, за так, на выплаты, на кредит, и потому дают себя поймать.

Наливай, Марек. Такого никто не дает на выплаты. Это все нужно себе построить. Вот этими руками.

Часть первая. СЕНТЯБРЬ / ОТ ВОЗДУХА

Ну, все, сынок, не кривись. Я люблю тебя, сынок. (останавливается, уже нет сил, он не видит света, лежит на земле, в лесу, между деревьями, и последнее, что чувствует, это то, как земля его съедает, и он слышит некий звук, где-то сзади, бурчание, глухое, словно ветер в длинной трубе, может, это приближается машина, а может, просто так звучит близкая смерть)

(пожалуй, это машина, думает он, но все гаснет)

Миколай / Животное

Я уперся выехать с самого утра, до рассвета. Португальцы собирались заселяться только через неделю, но тянуть смысла не было. Любая проведенная здесь минута грозила чем-то диким и чрезмерным. Все, что у нас было, уже стояло упакованным, снесенным в подвал, вывезенным к родителям Юстины, затолканным в машину. Ночь мы провели на голом матрасе, укрывшись бурым одеялом с котами: вытащили его со дна шкафа. Я не мог спать, у меня было сухо во рту, я то и дело вставал, чтобы отлить. Похоже, от одеяла у меня началась аллергия.

— Я тебе кое-что обещал, и сдержу обещание,— сказал я Юстине. Единственная фраза, которую я сказал ей за всю ночь.

Я собирался выехать до рассвета еще и потому, что хотел увидеть, как над Млочинами разливается кровавое зарево — розовое, фиолетовое и красное, будто отблеск остановленного во времени взрыва; я хотел на миг представить себе, что эта жизнь — Эта Конкретная